

Алла ПРОКОФЬЕВА

ОБЛИЧИТЕЛЬ «СТАРОВОГО» МИРА

*К юбилею писателя
С.И. Гусева-Оренбургского*

Алла Георгиевна Прокофьева родилась в Оренбурге. Окончила Оренбургский государственный педагогический институт. Филолог, доктор педагогических наук, профессор по кафедре литературы, специалист в области литературного краеведения. Лауреат Всероссийской Пушкинской премии «Капитанская дочка» (2003), премии и.м. Валерияна Правдухина альманаха «Гостиный Двор» (2012), губернаторской премии «Оренбургская лира» (2014), региональной литературной премии и.м. П.И. Рычкова (2020), финалист XVI Всероссийского конкурса региональной и краеведческой литературы «Малая Родина». Отличник просвещения РСФСР, заслуженный работник высшей школы РФ. Живёт в Оренбурге.

В 2022 году исполняется 155 лет со дня рождения Сергея Ивановича Гусева-Оренбургского, писателя, широко известного в русской литературе конца XIX — начала XX в. реалистическими произведениями об уездной глуши и духовенстве. Он относился к группе писателей, объединившихся вокруг горьковского издательства «Знание», его дарование высоко оценивал М. Горький, о его талантливости писал А.П. Чехов.

Писатель имел все основания выбрать себе псевдоним «Оренбургский», ибо родился в Оренбурге, учился в оренбургской гимназии (доучиться не удалось — пришлось уйти работать в лавку отца), оренбургской семинарии с 1884 по 1888 г. (затем Уфимской), был священником в оренбургских сёлах и учительствовал в оренбургских школах. С Оренбургским краем связано и начало творческого пути Гусева.

Отец – из «солдатских детей»

Родители Гусева – коренные оренбуржцы, но сведения о них в работах, посвящённых писателю, разноречивы: одни биографы считали отца писателя «казаком-торговцем» (С.В. Касторский), другие (И.М. Гронский, Л.А. Юркина) писали о «купеческой семье». И.В. Черняева на основе документов жандармского управления и свидетельства о прохождении курса в духовной семинарии, хранящихся в Государственном архиве Оренбургской области [1], доказала, что И.В. Гусев был урядником, а затем стал чиновником, губернским секретарём [2].

В Оренбургском областном архиве сохранился ещё один важный для понимания семейного положения писателя документ – послужной список отца писателя, поясняющий, «из какого звания происходит» И.В. Гусев. В этом списке сообщается, что Иван Васильевич Гусев «из солдатских детей... обучался в батальоне военных кантонистов... в службу вступил писарем унтер-офицерского звания в штаб отдельного Оренбургского корпуса (1839-1850 годы); «по высочайшему повелению переведён в Оренбургское казачье войско с переименованием в урядники и с прикомандированием к продовольственному отделению» [3].

Служебный путь отца писателя нельзя назвать ровным и гладким: 23 мая 1853 года Иван Васильевич «без суда и следствия был разжалован в казаки с оставлением на службе в том же отделении» и стал служить старшим писарем в войсковом правлении, но уже в 1853 году (25 июля) вновь произведён в урядники.

В 1854 году, служа в Войсковом правлении, И.В. Гусев «исправлял должность дьяка» (возможно, тогда у него появилась мечта о карьере священника для будущего сына). В 1850-1860-е годы Иван Васильевич был прикомандирован писарем к отделению степных укреплений, служил в полку № 3, в пешем казачьем батальоне № 2, «во временной комиссии, учреждённой для составления новых смет по устройству степных укреплений... во временном совете по управлению Киргизскою Ордою». Незадолго до рождения сына, в 1863 году, И.В. Гусев был «отчислен по болезни в отставку».

Когда будущему писателю исполнилось чуть больше месяца (26 октября 1867 года), его отец «по высочайшему повелению был исключён из Оренбургского казачьего сословия с награждением чином коллежского регистратора за выслугу в урядническом звании определённых законом двенадцати лет». Через год И.В. Гусев «по прошению

был определён в штат Оренбургского губернского правления», где вскоре стал делопроизводителем по строительному отделению (с 26 июля 1868 года), а затем «перемещён чиновником особых поручений по почтовой части Оренбургской губернии» (с 10 декабря 1869 года). Этой датой заканчивается послужной список отца С.И. Гусева.

В послужном списке, кроме того, сообщается, что И.В. Гусев православного исповедания, награждён бронзовой медалью на Владимирской ленте в память войны 1853-1856 годов, женат на дочери казака Полозова Анне Михайловне, имеет сына, родившегося 23 сентября 1867 года, и дочь Клавдию, родившуюся 24 октября 1869 года.

Гусевы имели в Оренбурге свой дом (на углу улиц Водяной и Безаковской).

Сын – учитель, священник, фельетонист, писатель

В оренбургском архиве сохранились и документы, касающиеся обучения Гусева в гимназии и семинарии. Это, прежде всего, поданное в Оренбургскую семинарию 24 /VI 1884 г. прошение И.В. Гусева, в котором говорится: «Желая дать сыну Сергею Гусеву, обучающемуся в Оренбургской гражданской гимназии, дальнейшее образование во вверенной Вашему Высокопреподобию духовной семинарии, имею

честь просить принять его в 1 класс. При сем прилагаются документы: свидетельство об успеваемости, выданное директором Оренбургской гимназии от 10 июня 1883 г., метрическая выписка о рождении и крещении, выданная причтом Оренбургской Троицкой церкви от 10 июля 1876 г., свидетельство о бывшей у сына натуральной оспе. И.В. Гусев» [4].

Ещё учась в духовной семинарии, Гусев-Оренбургский сблизился с революционно настроенными людьми – М.А. Багаевым, высланным в Оренбург из Иваново-Вознесенска, А.И. Матовым, как и Гусев, семинаристом, тоже 1867 года рождения, ставшим потом секретарём редакции «Тургайской газеты», привлечённым впоследствии к суду за рассказы и фельетоны обличительного характера.

Существует предположение, что причиной ухода Гусева из семинарии явилось запрещение нелегального кружка, членом которого стал будущий писатель. Однако Гусева нашли и в глуши, куда он уехал учительствовать. В селе Георгиевском Оренбургского уезда в квартире Гусева произвели обыск в связи с делом Дехтерёва. Нависла угроза ареста. Стремление избежать его, по мнению Багаева [5], стало одной из причин принятия Гусевым 7 декабря 1892 г. сана священника. К этому времени относится и женитьба Гусева-Оренбургского

на дочери оренбургского живописца Марье Михайловне Строгановой.

По документам оренбургского жандармского управления, ведшего за писателем негласный надзор в 1891-1892 гг., можно судить о местах службы и передвижениях Гусева в этот период: с 1 декабря 1891 г. — сельский учитель в селе Егорьевке Оренбургского уезда; с 18 марта 1892 г. — учитель в Ново-Георгиевской сельской церковно-приходской школе; с декабря 1892 г. — священник в посёлке Черновском Городищенской станицы Оренбургского уезда [6].

Из автобиографии писателя известно, что первый свой рассказ «Слепой» Гусев опубликовал, ещё учась в семинарии, в оренбургской частной газете «Оренбургский листок» (1890, № 19) под псевдонимом М. Инсарский.

Продолжая традиции «шестидесятников» (Ф.М. Решетникова, Г.И. Успенского, М.Е. Щедрина), Гусев в ранних рассказах показывал крайнюю степень обнищания и разорения крестьян, их забитость и темноту. Таков рассказ «Самоходка», понравившийся редактору газеты «Оренбургский край». В этой же газете в 1894 году (№ 272) под псевдонимом Анзерский появился «маленький фелетон» писателя «Деревенские письма. Житьишко захудалое» — небольшой очерк о трудностях

жизни деревенского обывателя, чья жизнь зависит от погоды, посевы — от «кобылки» и т. д. «Оренбургский край» был газетой прогрессивного направления, выпускался оренбургской интеллигенцией. На его страницах можно было встретить имена А.Е. Алекторова, В.О. Португалова, В.Л. Дедлова-Кигна, Л.В. Исакова. А.П. Чехов дал согласие редакции газеты на печатание рассказа «Чёрный монах».

Рассказы и очерки, фельетоны (излюбленный жанр художественно-публицистической литературы начала XX века, понимавшийся несколько иначе, чем теперь) начинающего писателя публиковались во многих оренбургских газетах: в «Оренбургском листке» — «Китайцы едут» под псевдонимом Мистер Доррит (№ 31, 1900) — дорожные зарисовки; сказка «Трубочист» (№ 3, 1901); в газете социал-демократического направления «Степь» — «В буран (эпизод из жизни Ивана Филипповича Гусляра)» под псевдонимом Гусев-Оренбургский (№ 32, 1906).

Чаще, чем в других оренбургских газетах, Гусев печатался в «Тургайской газете», секретарём которой некоторое время был друг писателя А. Матов. На страницах этой газеты были опубликованы рассказы и очерки писателя под псевдонимом Анзерский: «Читатель» (№ 51, 1896, 15 XII); «Обручальное кольцо (этюд)» — 1897, № 4; «Под влиянием

аффекта» — 1897, № 45; «Умерла (из жизни русского духовенства)»; под фамилией Сергей Гусев «Недуги деревенские (картинки казачьего быта)» (1897, № 121). В основном это были или рассказы мелодраматического характера (сюжеты о том, что из-за несчастной любви герой стреляется, героиня топится и т. п.), или бытовые зарисовки.

Впоследствии, создавая одну из лучших своих повестей — «Страну отцов», писатель рассказал о содержании и направленности оренбургских газет, о преследованиях за прогрессивные корреспонденции со стороны местных властей. В повести выведены образы цензора (местного вице-губернатора), редактора «Старомирского листка» Веселухи-Миропольского (явный намёк на редактора «Оренбургского листка» Ефимовского-Мировицкого).

В июне 1898 г. «за оставление жены и детей» Гусеву-Оренбургскому было запрещено священнослужение, а в декабре того же года по его прошению с него был снят сан священника. Служба в 1890-е годы священником была для Гусева-Оренбургского, как он писал в автобиографии, «временем тяжёлого самоопределения, разочарований и жестокого анализа» [7].

Изучив на практике жизнь духовенства, писатель создал целую галерею образов священ-

ников — рядовых «служителей божьих» и архиереев, попов-стяжателей и «добрых пастырей», «народников в рясах». Используя мотивы Ветхого и Нового заветов, писатель показывал священников, опирающихся на христианские заповеди, защищающих интересы прихожан («Пастырь добрый» — 1900, «Мирской слуга» — 1910, «Отец Савватий» — 1910, «Курычанские прихожане» — 1913, «Несокрушимый оптимист» — 1914). Гусева интересовали и взаимоотношения «отцов и детей» в семьях священнослужителей (повесть «Приговорённый» — 1918, «Мгновение» — 1914), и трудности во взаимопонимании духовенства и народа («Призрак прошлого» — 1918). Обращался писатель и к проблеме старообрядчества: «Пожар» («В огне») — 1904; «По осени» — 1915; «Кержак» (1915). Не обошёл Гусев и проблему сомнений в христианстве и церкви — «Христианин» (1918).

Тема духовенства, церкви в творчестве писателя тесно связана с темой крестьянства. Он затрагивал проблемы переселенческого движения, писал о сельских учителях. В его прозе, в традициях русской литературы XIX века, присутствуют образы странников, праведников, юродивых («Ледоход» — 1913, «Не от мира сего» — 1912, «Дьякон и смерть» — 1912).

Переписка с М. Горьким

Большую роль в творческой судьбе С.И. Гусева-Оренбургского сыграл М. Горький, которому долгое время начинающий писатель не решался послать свои произведения на отзыв. Но Горькому рассказы Гусева понравились, об этом свидетельствует переписка Горького, в которой часто встречается имя Гусева.

«М. Горький – А.П. Чехову, октябрь 1903

...Вы помните? Обещали дать рассказ для сборника «Знание»? Это дело идёт к концу. Андреев, Бунин, Вересаев, Чириков, Гусев написали, я – скоро напишу» [8, с. 288].

«М. Горький – Е.Н. Чирикову, июль 1905

...Затевается юмористический журнал «Жупел» – художники Бакст, Щербов, Билибин, Гржебин, Браз и т. д., Леонид, ты, я, Гусев, Скиталец, Яблонский из «Сына Отечества» [9, с. 315].

«М. Горький – Е.П. Пешковой, май 1907, Капри

...Досадно, что не удалось увидеть Сергея Ивановича, очень! У меня есть надежды на него, и большие» [10, с. 29].

В 1908 году М. Горький пишет К.П. Пятницкому: «Где Гусев? Неведомо. Сия комета с неопределённой орбитой является и исчезает неожиданно» [11, с. 257].

В этом же году К.П. Пятницкому:

«Я имею основание думать, что новой повестью и моей «Исповедью» реализм, которому служило «Знание», становится на новый путь, оживляется и приобретает новые силы – новое освещение» [12, с. 246].

Пятницкий в письме этого же года сетует на сложности публикации произведений Гусева: «Я взвешивал каждую фразу – и проверил своё мнение. Если б напечатать Гусева без пропусков, к нему применили бы несколько пунктов 120 ст. и обязательные постановления градоначальника. Возможно, что я ограничился бы «Исповедью» и Золотарёвым. Но когда пришли Ваше письмо и телеграмма, я почувствовал, насколько Вам хочется поместить Гусева рядом с «Исповедью». Так я и сделал. Но, конечно, пришлось пожертвовать в Гусеве несколькими опасными местами. В общем они составляют около 2 страниц» [13, с. 247].

Судя по письмам, Гусев трижды был у Горького на Капри: в 1907, 1908 и 1910 гг. До этого встречались они в Ялте. В письме, написанном К.П. Пятницкому в сентябре 1904 г., Горький отмечает: «Вчера сюда явился Гусев, был у меня, долго молчал. Любит он помолчать!» [14, с. 162]

В другом письме этого же времени Горький сообщает: «Гусев здесь, будет читать свои

стихи на вечере... Милые, но — плохонькие» [15, с. 164].

В 1908 году Горький советовал писателю С.С. Кондурушкину (как и Гусев, оренбуржцу) познакомиться с Гусевым:

«Капри — май 1908

...Хотел бы я, чтоб вы познакомились с Гусевым-Оренбургским, а также написали мне о его рассказе «Один», когда он^{ый} рассказ выйдет» [16, с. 954].

Видимо, Горький перепроверял своё впечатление от гусевского рассказа, опубликованного позже в 23 номере сборника «Знание» под заглавием «Сказки земли». Примерно в это же время, сообщая Е. Пешковой о приезде на Капри Гусева, Горький писал: «Его рассказ — хорош как тема, а исполнение могло бы быть не так вычурно. Все попадают в этот приподнятый стиль, мне кажется, что это нечто вроде детской болезни, право! Но — Гусев, полагаю, пройдёт сквозь это не без пользы для себя, тогда как другие на этом свихнут себе мозги» [16, с. 954].

В этом же 1908 году М. Горький предлагал Пятницкому: «Может быть, вы найдёте возможным издать сборник из трёх пьес: Мирбо, Амфитеатров и Гусев — пьеса в трёх актах из духовного быта? Я её читал, с точки зрения сцены ценить не могу, но по сюжету — ново, исполнено в романтическом тоне и местами сильно — соединение трёх этих вещей в одной книге

дало бы очень крепкий букет» [17, с. 255].

По письмам М. Горького можно судить, насколько он, как писатель и редактор, был увлечён творчеством Гусева и, следя за его творческим ростом, возлагал на него большие надежды.

Как журналист, Гусев много ездил по России и Европе для сбора материала, побывал в Киеве, Самаре, Анапе, Петербурге, Варшаве, Париже, Ницце, на Капри и т. д. В 1890-1900 гг. печатался на страницах многих периодических изданий: «Киевская газета», «Уральская жизнь», «Самарская газета», «Сибирская жизнь», «Курьер», «Пробуждение», «Жизнь», «Аргус» и др.; но чаще всего его произведения публиковались в сборниках горьковского издательства «Знание». Позже, в 1923 году, в Москве вышла его «Книга о еврейских погромах на Украине в 1919 г.» с редакцией и послесловием М. Горького.

Под влиянием Горького написана повесть «Страна отцов». Она и посвящена Горькому. Возможно, благодаря Горькому, увлекавшемуся одно время работами Ф. Ницше, Гусев тоже обращается к некоторым идеям философа. Эпиграф к своей повести Гусев берёт из поэмы Ницше «Так говорил Заратустра»: «Изгнанниками должны вы быть из страны отцов ваших. Страну детей ваших должны вы любить» [18, с. 227].

Оренбург – прообраз Старомирска

В повести Гусева-Оренбургского дана широкая панорама жизни провинциального города, показано столкновение идеологий «страны отцов», Старомирска (прообразом которого является Оренбург), и страны детей, предвещавшее близкое крушение полумёртвого «дома» старой России и определявшее «молодые» пути России «детей».

«Его улицы широки и красивы, прекрасно вымощены, по ночам освещаются бледным светом электричества. «Центр» господствует над окрестностью. На высшей точке его, у края откоса над рекой, ширится площадь, среди которой возвышается двухсотлетний «золотой» собор, окружённый лучшими зданиями города: губернаторским дворцом, казённой палатой, мрачным казначейством, семинарией, тюрьмой и гауптвахтой. Вдоль откоса тянется «сквер» или «бульвар», где по вечерам играет военный оркестр на утеху избранной публики, чинно дефилирующей по главной аллее, и где есть аллея «тайных вздохов», по которой считается неприличным гулять. С прекрасного губернаторского балкона, поддерживаемого белыми колоннами, открывается чудный вид на «Заречье» и окрестности. Балкон этот – исторический. С левой стороны его сохранилась пробоина от ядра пугачёвской пушки. В холерный

год в нём перебиты были стёкла. С него граф Перовский наблюдал за казнью провинившихся солдат».

В то же время можно говорить не только о влиянии Горького на Гусева, но и Гусева на Горького, что видно в повести М. Горького «Городок Окуров» (1909), прежде всего, в той части, где дано описание провинциального города, его расположения, разделения рекой на две части, одну из которых и Гусев, и Горький называют «Заречье».

Повести «Страна отцов» Гусева-Оренбургского и «Поединок» А.И. Куприна современники оценили как лучшие произведения 1905 года в России. Многие произведения Гусева этого периода свидетельствуют о переходе писателя от бытописательства к социально-философскому осмыслению изображаемой жизни, иногда в сочетании с мечтаниями утопического характера. Современные исследователи, в частности В.Е. Хализев, считают вслед за Горьким, что в ряде произведений писателя «знаньевского» периода присутствует излишне цветистая риторика.

Революционные события 1905 года отразились не только в прозе Гусева, но и в его стихах «9 января», «Requiem» и др. Стихотворение «Мидас», направленное против тирании, стало хрестоматийным и включается во все сборники русской сатирической поэзии:

В былые времена наивны люди
были,
Как дети малые. С утра
и до утра
Толпами цезарей приветствовать
ходили
И преданно кричали им «ура».
Так было в древности
с народными толпами
В Европе, в Азии — повсюду,
где в тот раз
Народом властвовал с ослиными
ушами
Неограниченный какой-нибудь
Мидас.
В те дни была неведома Свобода,
Ещё не наступал век вил
и топора.
Среди голодного и нищего народа
Была для цезарей счастливая
пора.
Они ведь к подданным добры,
Мидасы эти!
С народа нищего сняв тощую
суму,
Даруют милостиво кнут,
нагайку, плети,
Шпицрутены, оковы и тюрьму.
Судьба-насмешница — коварная
персона —
Печальный им готовила удел:
Проказник Фигаро под золотой
коронай
Их уши длинные случайно
подсмотрел.
И вот... прощай, наивная
легенда!
Какой с тех пор себя ни окружал
Мидас разгневанный усиленной
охраной,
Каким сатрапам власть
ни поручал,

Как угрожающе ни шевелил
ушами —
Вдали, вблизи, — стоустую
толпой
Народ кричит упорно
пред дворцами:
«Долой, Мидас, долой!»

О стихах Гусева писал и М.
Горький:

**«М. Горький — Е.П. Пешковой,
июль 1904**

...Скиталец написал недурные стихи на смерть Чехова, Гусев тоже. Они читали их в Ялте на вечере, и, говорят, был скандал с полицией» [19, с. 375].

Значительным явлением в русской литературе стала повесть писателя «В глухом уезде» (1912), где Гусев-Оренбургский полемизирует с Л. Андреевым, выражавшим в «Жизни Василия Фивейского» сомнение в разумности жизни.

Отдавая дань нравственным качествам и духовной силе русских людей, Гусев не проходит мимо возможных анархических, разрушительных порывов ожесточённой толпы (повесть «Рыцарь Ланчелот», 1910).

Главные проблемы, которые раскрываются во многих повестях и рассказах Гусева-Оренбургского, — обличение «старого» мира, мира «отцов» и «бегство детей из клеток, устроенных им отцами», стремление к новой жизни. Его произведения привлекают внимание современников, вызывают

споры критиков — А.А. Измайлова, Л.Н. Войтоловского, А. Басаргина, А.В. Луначарского. В эти годы Гусев женился на поэтессе Г. Галиной — ей посвящён 3-й том «Рассказов» (СПб., 1910) писателя. Расставшись с ней в середине 1910-х гг., Гусев передал ей право на издание своих произведений и купил дом в Петербурге.

Когда началась первая мировая война, Гусев жил в Москве (был членом московского литературного кружка «Среда»), затем какое-то время в Ялте, был на фронте, работал в санитарных поездах. Антивоенные мотивы звучат в ряде рассказов писателя: «Земляки», «Мама», «Отец», «Пленный» и др.

Революция и отъезд в США

Революционные события 1917 г. и гражданская война на первых порах были встречены писателем сочувственно, как неотвратимый результат недовольства бедноты, но в то же время в его рассказах и стихах 1918-1919 гг., созданных во время странствий писателя по России, появляются и предостережения о том, к чему может привести анархия, слепая мстительность, уничтожение ценностей культуры, не принимает писатель и антицерковные действия новой власти (повесть «За свободу», 1919).

Судя по воспоминаниям Рюрика Ивнева, Гусев-Оренбургский в 1919 г. жил с ним и С. Есениным в Козицком переулке,

в одной квартире, «небольшой коммуной». Об этом же пишет, рассказывая о быте писателя, Г. Устинов: «В начале 1919 года С. Есенин жил у меня в гостинице «Люкс», бывшей тогда общежитием Наркомвнудела... Вскоре наше общество в «Люксе» увеличилось. Приехал С.И. Гусев-Оренбургский, которому посчастливилось достать здесь комнату. Теперь наша метафизическая теория приобрела ещё одного глашатая. Мы с Есениным ходим по комнате, Гусев-Оренбургский сидит на диване, тихонько наигрывает на гитаре» [20, с. 150].

В начале 1920-х гг. Гусев-Оренбургский вместе с третьей женой, певицей Е.И. Хатаевой, выступал на концертах с докладами и чтением своих произведений. В конце 1921 г. писатель выехал в Харбин, а затем вместе с женой и её матерью эмигрировал в США. Свой отъезд Гусев-Оренбургский объяснил невозможностью «прилагать объективно свой литературный труд в России».

В эмиграции писатель сотрудничал в газете «Русский голос», редактировал журнал «Жизнь». Там им были написаны роман «Страна детей» (1928), книги «В поисках пути: ритмические размышления» (1955), «Святая Русь: эмигрантские рассказы» (1957).

Одно время у писателя было намерение вернуться в Россию, он даже подавал заявление об этом на имя М.И. Калинина. Известно, что в Нью-Йорке Гусев-Оренбургский бедствовал,

жил в доме одного из обеспеченных эмигрантов [21].

С.И. Гусев-Оренбургский оставил значительное литературное наследство: в 1913-1918 гг. в России было издано 16 томов собрания его сочинений, оставшегося неза-

конченным. Он известен, прежде всего, как прозаик, работавший в жанрах повести и рассказа, но им были созданы и поэтические произведения революционно-романтического и сатирического характера.

Примечания

1. ГАОО. Ф. 21, оп. 1, № 183; Ф. 177, оп. 1, № 54.
2. Черняева И.В. Биографические материалы о С.И. Гусеве-Оренбургском//Русская литература, 1974, № 4.
3. ГАОО. Ф.21, оп. 3, № 4254.
4. ГАОО. Ф. 177, оп. 1, № 3. 92 лл.
5. Багаев М.А. Моя жизнь. Иваново, 1949.
6. ГАОО. Ф. 21, оп. 1, № 103, 105, 191.
7. Гусев-Оренбургский С.И. Автобиография// Вопросы литературы. 1976, № 4.
8. Горький М. ПСС в 30 т. Т. 28. М., 1954.
9. Горький М. ПСС в 30 т. Т. 28. М., 1954.
10. Архив М. Горького. Т. 9. М., 1954.
11. Архив М. Горького. Т. 4. М., 1954.
12. Там же.
13. Там же.
14. Там же.
15. Там же.
16. Горький и русская журналистика нач. XX века: Неизд. переписка// Лит. наследство. — М., 1988. Т. 95.
17. Архив Горького, Т. 4. М., 1954.
18. Гусев-Оренбургский С.И. Повести и рассказы. М., 1958.
19. Горький М. ПСС в 30 т. Т. 28. М., 1954.
20. Есенин С. Воспоминания. М., 1926.
21. См. ст. Д.А. Благова и В.Е.Хализева// Русские писатели 1800-1917. Биогр. словарь. М., 1992.